

ГЛАВА 1

Макар Илюшин и Сергей Бабкин

1

«Это наше последнее дело», — сказал себе Сергей Бабкин.

Он должен был сосредоточиться и не мог, потому что мешала снежинка. Вернее, сапог. Голенище сапога: ажурное, белое, вызвавшее в памяти бумажные снежинки, которые всем классом клеили на окна в начальной школе. На обычный мыльный раствор приклеивали, между прочим, и те отлично держались до конца зимы. Дома они с матерью использовали не мыло, а клейстер. Заливали крахмал кипятком, и белесый раствор задумчиво булькал в кастрюльке, созревал.

Так вот, сапог. Ажурная белая кожа обхватывала голень до того туго, что, казалось, вот-вот лопнет либо сапог, либо нога. Вместо того чтобы записывать, Сергей пялился на икры клиентки. Без всякого подтекста пялился. Лучше бы с подтекстом — как-то естественнее, что ли, чем ломать себе голову над вопросом, зачем женщина теплым августовским днем влезает в кожаные сапоги, пусть даже и с дырками.

Кстати, и правда, зачем? Новая мода? Маша наверняка знает...

Илюшин бросил на напарника вопросительный взгляд. О снежинках он догадаться не мог. Такой уровень сверхпрофессиональности даже Макару не под силу. Илюшин просто молча интересовался: «В чем дело? Что-то не так?»

«Примерно все не так, дружище».

В голову лезла всякая ерунда, потому что ностальгической бумажной метелью проще всего было временно изгнать, вымести подальше мысль о том, что перед ними сидит их последнее дело. Или вообще не случившееся, так как последнее уже было. В Карелии.

Даже не вслушиваясь в рассказ заплаканной женщины, Сергей мог почти наверняка сказать, что привело ее к частным детективам. Ажурные белые сапоги выдавали ее, и взбитая пена крашенных черных волос выдавала. Как они их так укладывают? И не кудри, и не локоны, а какой-то крупный овечий завиток, который на концах внезапно распрямляется, словно опомнившись, и зачем-то торчит в пространство с унылой дерзостью. Или с дерзновенным унынием, тут Бабкин не совсем определился.

Жила-была женщина. Встретила красавца, скорее всего, майора в отставке или даже генерала, очаровалась, провела с ним две недели, очаровалась бесповоротно, дала ему деньги на поддержку бизнеса, который из-за неудачного стечения обстоятельств потребовал разовых, ну, максимум двухразовых вливаний, и теперь не знает, где деньги, где майор, где счастье, — счастье где, господа детективы? А майор в отставке, он же генерал, тем временем улыбается другой кудрявой женщине за столиком ресторана «Живаго»: проходимцы любят известные рестораны в туристических местах и вообще обычно не дураки пожрать.

Значит — что? Блокнот доставать не обязательно. Разыскивать аферистов не то чтобы неблагодарная задача, можно, конечно, и разыскать, но Бабкин такие дела не любил. А в свете мыслей о полном прекращении сотрудничества с Макаром Илюшиным он не взялся бы за него ни за какие деньги. Если уходить, то оставив за собой раскрытого серийного убийцу, а не ушедшего продавца женского счастья в ките-ле и при усах.

— ...уже два дня прошло, — всхлипнула женщина. — Нет, погодьте... Двадцатое же сегодня? Значит, уже третьи сутки идут! И никто ее не ищет! Вы же знаете, как у нас все...

— Жанна Ивановна.. — начал Макар. Бабкин мысленно закатил глаза: она еще и Жанна Ивановна!

— Просто Жанна, что вы...

— Расскажите, пожалуйста, что вы сделали, когда поняли, что ваша сестра не отвечает на звонки?

Макар подчеркнул «ваша сестра». Бабкин вздрогнул — и включился.

Женщина растерянно прижала к лицу растопыренную пятерню. Пальчики у нее были коротенькие и толстенькие, как у ребенка, с длинными заостренными ногтями под серебристым лаком, и этот лак смотрелся не как выбор взрослого человека, а как игра маленькой девочки, перебиравшей нарядные стеклянные баночки в мамином шкафу. Отчего-то эта некрасивая пухлая лапка в золотых кольцах заставила Бабкина посмотреть на нее другими глазами.

— В субботу вечером Оксана все не отвечала, а в воскресенье я с утра побежала в полицию. Во сколько... Не прямо с утра, нет, я сначала думала: ну, загуляла где-то, сейчас проснется и позвонит. До одиннадцати подождала, до двенадцати... а потом телефон у нее и вовсе стал недоступен. Значит, в час я где-то пошла. Не утром, получается, а днем. В час я пошла, то есть поехала, у нас идти недалеко, но, как бы это сказать, дорога не очень приятная для пешеходов, обочины нет, я пешком мало хожу, все больше на машине...

Она была не просто несчастна, она была испугана, именно как ребенок, потерявшийся в торговом центре, вглядывающийся в чужие взрослые лица и не обнаруживающий среди них маминого.

— У вас приняли заявление? — спросил Макар.

Она закивала. Приняли, да, но вы ведь знаете, как они работают... Крышуют только и проститутток даром дерут...

На пассажe о проститутках Бабкин посмотрел на нее с пристальным вниманием. Что за сленг и откуда такие любопытные представления о буднях сотрудников органов охраны общественного порядка? Сам бывший оперативник, за годы службы повидавший многое, он, с одной стороны, мог понять граждан, ненавидевших полицию и боявшихся ее.

С другой стороны, эти представления часто были основаны не на личном опыте, а на старательно расчесываемых страхах. Облако тэгов, как выражается Макар. Полицейские, воровство, взятки, убивать, пытаться, лжесвидетельство, сажать, менты козлы.

С третьей стороны, а ты сам-то где, спросил себя Бабкин. В полиции? Метишь в следственный комитет, быть может? Нет? Вот и молчи.

— ...Юра мне говорит: подожди, давай в понедельник вместе пойдем, кто в выходной будет заниматься твоим заявлением? А у меня сердце не на месте... — Она приложила руку к груди.

— Юра — это ваш муж? — спросил Макар.

— Нет, Юра — он Оксанин... Я сама не замужем. У них и дочка есть, Леночка, хорошая девочка, дай ей Бог здоровья...

— Раньше случалось, что ваша сестра исчезала на один-два дня? — спросил Илюшин. — Уезжала с кем-то, может быть?

— Никогда! Она мне всегда звонит! Да и видимся мы... В одном доме живем, как не видеться-то... То вечером столкнемся, то утром, дом большой, конечно, но кухня-то одна, то есть две, Оксана еще уличную кухню сделала, как это называется, мангальная зона, ею вообще-то только Лева пользуется, ну, он с детства готовить любил, такой способный мальчишечка, отец с матерью шутили, что он в кулинарный техникум пойдет! Ну, почему шутили-то — потому что у Левы умище, он МГУ закончил, а не кулинарный, хотя я против поваров ничего не имею, вы не подумайте...

Она торопилась, сбивалась, перескакивала с темы на тему, бессмысленной болтовней о каком-то Леве снимая напряжение. Илюшин наверняка сказал бы что-нибудь вроде «психотерапевтическое выговаривание».

— Сережа, запиши, пожалуйста, — сказал Илюшин.

Бабкин уже и сам вытаскивал блокнот.

Вовсе не померкшее сияние генеральских звезд привело к ним эту женщину.

...Она показала фотографии пропавшей сестры на телефоне.

Оксана Баренцева.

Лицо молодое, красивое, свежее, налитое. Черные густые брови под выкрашенными кудряшками, точно такими же, как у сестры — с прямыми прядями, торчащими из крутого бараньего завитка, только не черными, а белыми. Насмешливый круглый рот. Синие, широко расставленные глаза. Рост средний, телосложение среднее, особых примет нет. «Татуировки?» — уточнил Макар. Да, татуировка есть, спохватилась Жанна. На правой лодыжке — скорпион, в честь знака зодиака. «Шрамы?» Шрам от кесарева сечения. Ушла из дома в обтягивающих джинсах с дырками, розовом жакете и розовых туфлях на каблуке. Вокруг шеи — голубой шифоновый шарф. «Оксана любит голубое, ей к глазам хорошо». Большие солнцезащитные очки. И алая сумочка с кожей «под крокодила».

«Приметы есть, — думал Бабкин. — Славно». Он не любил татуировки, но одобрял в том смысле, что они значительно облегчали опознание.

— Мы с Юрой звонили в морги и больницы, но называли фамилию, а не приметы. — Жанна испуганно взглянула на Макара. — Наверное, нужно было по-другому, да?

Илюшин ее успокоил:

— Вы все сделали абсолютно правильно.

— Жанна, будьте добры, повторите, где вы проживаете с сестрой?

Если на Илюшина она смотрела не отрываясь, то в Сергея метнула короткий взгляд — и уставилась на свои ногти. Руки у нее дрожат, заметил Сергей. Причин может быть много. Волнуется, пьет, принимает лекарства, испугалась или убила сестру, в конце концов... Правда, за их многолетнюю практику только раз убийца сам явился, чтобы нанять частных детективов и таким сложным способом замести следы. Наглец. И дурак, в общем-то.

— У нас коттедж в поселке под Зеленоградом... ну, не совсем в поселке, рядом с поселком есть СНТ «Серебряные

родники», мы там построились восемь лет назад, то есть не мы, конечно, а Оксана, но я тоже участвовала. Наш дом, еще гостевой и для водителя, правда, водители как-то не прижились, мы с сестрой сами любим рулить, понимаете...

Сергей записывал за ней, практически стенографировал, изредка направляя вопросами. Голос мягче и тише, как учила его Маша. «Сережа, ты и так большой, а когда рычишь, дятлы падают замертво. — Как падают? — Клювом вниз». И ведь по-прежнему смешно, когда вспоминаются эти дятлы, попадавшие в траву, точно ножички, которые мальчишки втыкают в землю.

Сбор и первичная обработка фактов. Для начала нужно понять, возьмутся ли они в принципе за дело и во сколько это может обойтись их клиенту.

Итак, пропавшая: Оксана Ивановна Баренцева, тридцать пять лет. Проживает в коттедже под Зеленоградом со своей сестрой, Жанной Баренцевой, тридцати двух лет, мужем и пятилетней дочерью. С ними живет двоюродный брат Лев. «Семейные обстоятельства», — почему-то покраснев, уточнила Жанна. Дом принадлежит сестрам в равных долях. «А мужу?» — спросил Сергей. Женщина замаялась. Он сделал пометку: разобраться, что с мужем. На момент приобретения недвижимости они с Баренцевой состояли в браке, однако недвижимость записана только на жену с сестрой. Кстати, после свадьбы муж взял фамилию Оксаны. Хм. Ну ладно. Может быть, он так богат, что лишние квадратные метры в ближнем Подмосковье его не интересуют. Кстати, сколько метров? Триста сорок. И это только главный дом.

— Чем занимается ваша сестра?

— Она с прошлого года оставила бизнес, не совсем, конечно, но в основном отдыхает, уж наработалась за свою жизнь, она с детства пахала как проклятая... А так много чем занималась, разным. В последнее время покупала недвижимость, а потом ее сдавала.

— Квартиры?

— Коммерческая аренда, — коротко ответила Жанна.

Бабкин с Илюшиным переглянулись. Коммерческая аренда? В Москве? Даже при небольших объемах это означает потенциальную конкуренцию. И это не та конкуренция, к которой в газетных статьях обычно прибавляют эпитет «добросовестная». Бабкин знал, что Илюшин никогда не полезет в такую криминализированную сферу — не из страха, а потому что каждый должен заниматься своим делом. Они частные детективы, специализирующиеся на исчезновении пропавших людей. Но не на убийствах. Тем более связанных с бизнесом.

Словно прочитав их мысли, Жанна Баренцева заговорила быстрее.

— Вы только не подумайте, что у сестры проблемы, она не из таких, и последний год ничем не занималась, хотела отдохнуть, примерялась, за что бы взяться, не подумайте, она не какая-нибудь... — Жанна перевела дыхание и добавила: — У нас все благополучно.

— Ей угрожали? — спросил Бабкин.

— Нет, что вы, откуда! Я бы знала!

— Она наблюдалась у психиатра? Может быть, работала с психологом?

Нет, нет и нет. Не наблюдалась, презирала психологов, не верила в депрессию. «Это еще ни о чем не говорит, — подумал Бабкин, — ты вот живёшь и не веришь в депрессию, а она в тебя верит: приходит, обнимает и шепчет на ухо, что теперь вы всегда будете вместе, до самой смерти». Но это, похоже, не случай Баренцевой.

— Чем вы сами занимаетесь, Жанна Ивановна? — вступил Макар. Привычка обращаться к людям по отчеству в нем была неистребима.

— У меня салон красоты.

— В собственности? Или вы управляющая?

— Я хозяйка. — Она, кажется, стеснялась, признаваясь в этом.

Не билась у Бабкина ее внешность с образом хозяйки салона красоты. Такие салоны — прерогатива скучающих дамочек: бизнес-в-подарок, чтобы жена богатого мужа имела

статус предпринимательницы, а не бездельницы. Жанна Баренцева была не замужем, и она не имела ничего общего с теми владелицами салонов, которых Сергею доводилось встречать. Невыразительное приятное лицо. Вздернутый толстоватый нос, начинающий оплывать овал, но свежая кожа и нежный природный румянец. Она походила на хорошо раскормленную добрую мышь. О таких обычно говорят: «Простая женщина». Баренцева выглядела старше своего возраста — не в последнюю очередь из-за дурацкой прически и одежды. Короткая замшевая юбка, ажурные белые сапоги, трикотажная кофточка цвета сливы. «Нету больше трикотажных кофточек, — сказал себе Бабкин с грустью. — Есть худи, пуловер, джемпер, толстовка, бомбер, лонгслив, свитшот и, господи прости, худлон. А кофточек нету. Зайди в магазин, спроси у консультанта: есть у вас кофточки? Погонят прочь веником и плюнут вслед».

— Я должен вас предупредить, — сказал Макар. — Раз вы подали заявление, по нему будут производиться следственные действия. Полиция очень быстро определит местонахождение телефона вашей сестры...

— Так если он выключен!

— Это не имеет значения. Установят, где он находится, и вашу сестру отыщут. Вам не обязательно привлекать нас.

— Нет уж! Пока они зашевелиятся, это ж сколько времени пройдет! Когда пропадает человек, каждый час на счету, я читала.

В этом она была права.

По реакции Макара Сергей видел, что Илюшин отнесся к ее рассказу всерьез. Что и логично: проживают в одном доме, у сестры нет привычки исчезать на несколько дней, зато есть муж и малолетняя дочь. По телефону она не отвечает с субботы, а сегодня... Что у нас сегодня? Вторник. Даже если предположить, что все-таки ударились в загул, не сказав ничего сестре, в понедельник должна была вернуться.

— Жанна, когда вы видели Оксану в последний раз?

Она ответила не задумываясь:

— В субботу утром, в десять. Мы завтракали вместе, только я уже убегала, а она еще сидела, яичницу ела, лучком посыпала, она любит с лучком...

Жанна резко поднесла ладонь к губам.

Бабкин знал, как это бывает. Люди начинают вспоминать, что делал их близкий человек, и вдруг их пронзает мысль о том, что его больше нет. Чем обыденнее воспоминание, тем сильнее удар. Яичница с лучком. Телефон выключен третий день.

У них с Макаром заранее были распределены роли на такой случай.

— Значит, она любит яичницу, — одобрительно кивнул Илюшин. — А какие у Оксаны увлечения? Плавание? Йога? Танцы? Кулинария?

Молодец, мысленно сказал Сергей, теперь придерживай ее остороженько, веди ее, милую, по краю истерики, только не дай сползти. Если она начнет плакать, то не сможет успокоиться, а сейчас им нужен свидетель с трезвой головой, свидетель, хорошо соображающий и отвечающий на вопросы, а не корчащийся от рыданий.

— Оксанка любит... Ну, покушать любит. — Жанна шмыгнула носом. — Йога — нет, это не для нее. По магазинам обожает таскаться, даже если ничего не покупать, просто поглазеть. Ну, ухаживать за собой, по женской части, ну, вы понимаете. Масочки всякие, обертывания, массажики, пилинги... Курорты, конечно! А! Еще фильмы часто смотрит!

— Сериалы?

— Нет, в кино. Мы с ней иногда покупаем попкорну или крылышек с пивом и идем на какой-нибудь иностранный фильм про любовь.

Сергей отметил, что в кинотеатр Оксана берет сестру, а не мужа.

— Значит, в субботу Оксана позавтракала и уехала. — Макар мягко вернул ее к теме.

— Нет, уехала я, у меня клиентка пришла недовольная, надо было разобраться. Оксана осталась. Сказала, что у нее дела.

— Она упомянула, что это за дела?

Жанна покачала головой.

— В городе у нее есть квартира?

— Есть. Даже две. Только там сейчас люди живут. Это квартиры под сдачу.

— Оксана могла зайти к арендаторам?

— Она бы меня предупредила... Хотя вообще-то вряд ли Оксана к ним поехала бы. Зачем ей? Они платят исправно, вопросов у них к нам вроде нету. Месяц назад телевизор сломался у одних — так мы ремонт оплатили, и все. Они, правда, хотели, чтобы мы им новый купили, но это что-то больно жирно. Нет, у нее были другие дела, — убежденно закончила Жанна.

— У вас есть предположения, какие именно?

Она покачала головой.

— Я думала, может, она в торговый центр поехала, развешаться... И Юрик тоже не знал, муж ее, я спросила, но он даже растерялся: я, говорит, вообще думал, что она к тебе поедет в салон, она и правда подстричься хотела.

Правильно, правильно. Осторожно, исподволь. От общего к частному, как всегда. Сначала заставь ее вспомнить картинку. Кухня или столовая, запах яичницы и порезанного зеленого лука. Затем — настроение. Детали. Бубнил ли телевизор? Прибежал ли ребенок, напевая песенку, в пижаме задом наперед? От деталей и настроения — к речи. Человек, собирающийся уезжать по делам, почти наверняка упомянет о них. Вскользь, мимоходом, но обронит что-нибудь о шарфе, который нужно не забыть, потому что в «Карусели» почему-то вечно лютый холод. Или о наличных — оставить чаевые мастеру. «Жанка, у тебя есть пятисотка?» Сложность лишь в том, чтобы вытащить эти воспоминания из свидетеля. Эта часть их работы всегда нравилась Сергею. Но еще больше ему нравилось смотреть, как с ней справляется Илюшин. Он чувствовал себя ребенком, прижавшимся лицом к стеклянной стенке, за которой к разноцветным мягким игрушкам сверху опускается ме-

таллическая клешня. Вот уже схватили плюшевого бегемота... вот поднимаем, поднимаем... Эх, упал! Ладно, давай заново.

Бережное, участливое внимание Макара раскрепощало свидетелей. А в его понимающем взгляде читалось, что он как будто заранее отпускает им все грехи, вольные и невольные.

Маша однажды сказала, что от Илюшина исходит ощущение безопасности. Бабкин тогда хохотал в голос, испугав прохожих. Но это действительно была смешная шутка. Ощущение безопасности, ха! Да рядом с Илюшиным он даже черной мамбе посоветовал бы не терять бдительности.

— Оксана была в хорошем настроении, когда вы завтракали?

Прежде чем ответить, Жанна помедлила.

— Вообще-то нет...

— В плохом? Ее что-то рассердило?

— Я бы не сказала... Скорее, знаете, в возбужденном, что ли. Только сейчас сообразила.

— Как перед встречей с любовником? — невинно спросил Макар.

— Нет... не знаю... не могу сказать. — Она явно смутилась. — Если вы про настоящих, их у Оксаны нету. Я точно знаю. Она женщина порядочная.

Сергей не мог понять, для них ли брошена фраза о порядочной женщине, — как ни крути, все-таки Жанна имела дело с двумя мужчинами и могла бог знает что вообразить об их моральных устоях и о том, как вернее им понравиться, чтобы они взялись за расследование, — или Баренцева просто душно говорит то, что думает.

Макар спросил, о чем был их утренний разговор. Но здесь ему не удалось многого выжать. Они смотрели «Камеди ву-ман», запись шла нон-стоп, пока они завтракали, и в основном сестры смеялись и спорили о том, какая из участниц больше нравится мужикам.

— Вы вернулись в субботу домой около пяти вечера, так?